Статьи. Исследования

Михаил М. Соколов
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-71-91

Резюме:
В статье показывается, что паттерны потребления и характеристики стиля жизни, которые в западных обществах маркируют границы среднего и высшего классов, в России обозначают границы младших возрастных когорт. Используя данные репрезентативного опроса, проведенного в Петербурге в апреле-мае 2017 года, автор демонстрирует с помощью анализа корреспонденций, что формы досуговой активности описываются двумерной структурой, одно из измерений которой соответствует общему уровню (не)активности, а второе — относительному объему культурного капитала. Вопреки тому, что предполагает литература по социологии потребления, не доход и образование, а возраст является фактором, в наибольшей степени влияющим на общий уровень досуговой активности; влияние дохода оказывается ограниченным и по достижении сравнительно невысокого уровня (около 20 000 рублей на члена домохозяйства) сходит на нет. Анализируя данные мониторинга культурной жизни по Петербургу (организатор — М.Е. Илле), доступные с 2005 года, мы показываем, что возраст в этом анализе выступает как индикатор принадлежности к когорте, а не нахождения на фазе биографического цикла. Каждая следующая когорта демонстрирует в целом более высокий уровень активности, причем наиболее велик разрыв между старшими когортами. В заключительной части мы интерпретируем эти результаты как следствие различий в открытости разных поколений для паттернов глобальной статусной культуры. Поддержание определенного стиля жизни, помимо доходов, требует навыков и компетенций, которые легче приобретаются сравнительно молодыми людьми. В условиях, когда стиль жизни импортируется, именно внутренняя неготовность к восприятию его норм может быть основным узким местом, ограничивающим его распространение. В этих условиях возрастные группы приобретают квазиклассовые черты.

Соколов Михаил Михайлович — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидат социологических наук. Научные интересы: микросоциология, социальная стратификация, теория организаций, социология академического мира. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

Ключевые слова: социология потребления, социальная стратификация, социальная структура в России, стили жизни, культурный капитал, поколения

Mikhail M. Sokolov

European University at Saint Petersburg, Russia

Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia

Abstract:
This paper argues that consumption patterns and lifestyles, which—in the Western-European and the US contexts—mark the boundaries of the upper-middle class, demonstrate a much stronger affinity with the boundaries of the younger age cohorts in Russia. Using the results of a representative survey carried out between April and May 2017 in Saint Petersburg, Russia, we apply multiple correspondence analysis to demonstrate that the observed consumption patterns are best described by a two-dimensional structure, one axis of which describes the total level of (in)activity, while the other axis stands for the relative amount of cultural capital. Counter to what one might expect on the basis of international stratification and consumption studies, however, age—rather than occupation, education or income—is the strongest predictor of overall participation, explaining around 38% of the variance. Using the results of a series of regular cultural consumption surveys available since 2011, we argue that age should be interpreted as belonging to a certain generation—rather than a certain passing stage of a lifecycle—as generations retained the same level of activity across the time span of 12 years. In the last part of the article we interpret these differences as being the result of an exposure to Western status culture at different stages of one's biography, making younger people the most receptive to its omnivorous affirmation of multi-faceted activity.

Keywords: sociology of consumption, social stratification, social structure in Russia, lifestyles, cultural capital, generations

Со времен «Боулинга в одиночестве» Патнэма [Putnam 2001], если не со времен «Самоубийства» Дюркгейма, структура классического детектива считается наиболее выигрышной для социологической статьи. Вначале обозначается список подозреваемых гипотез, теоретическая дискуссия дает возможность читателю заподозрить каждого из них по очереди, а кульминацией становится табличка, в которой регрессионные модели отсеивают ошибочно подозревае-

Mikhail M. Sokolov — professor, European University at Saint Petersburg. Research interests: microsociology, social stratification, organizations theory, sociology of the academic world. E-mail: msokolov@eu.spb.ru

мых одного за другим, пока преступник не будет выведен на чистую воду.

Эта статья представляет собой из рук вон плохой детектив. Имя преступника вынесено в заголовок вместе с описанием самого преступления. В ней утверждается, что различия в стилях жизни, которые в социологии традиционно ассоциируются с классами — понимая под «классами» группы, чьи позиции определяются рыночными шансами, и положение в которых в значительной мере наследуется — в России (или во всяком случае в Петербурге) сильнее связаны с возрастными категориями, чем с традиционными маркерами класса, такими как доходы, занятие или образование. Иными словами, во многих отношениях в современной России порядок рождения равносилен восходящей социальной мобильности — чем позже, тем выше.

Тезис

В центре социологии стратификации находятся дискуссии об отношении между тремя переменными: а) классом, определенным через экономические шансы, б) стилем жизни и в) статусом, понятым как социальная оценка и престиж, ассоциирующимся с той или иной позицией [Bourdieu 1984; DiMaggio, Mohr 1985; Holt 1998; Chan, Goldthorpe 2007]. Классовая принадлежность индивида в современных обществах преимущественно определяется его позицией на рынке труда[1]. Стиль жизни описывает модели поведения за пределами мира работы и включает в себя, например, способы проведения досуга, интерес к высокому искусству, выбор гардероба и следование нормам этикета. Наконец, статус означает оценку, подразумевающую уважение и зависть, которые положение индивида вызывает у окружающих.

Переменные явным образом зависимы друг от друга, хотя точный характер их связи является одним из основных предметов споров в исследованиях стратификации. На поверхности лежит тот факт, что ресурсы, которые связаны с классовой позицией, могут существенно ограничивать выбор стилей жизни (скажем, конный спорт и путешествия в экзотические страны обходятся недешево и обычно недоступны занятым неквалифицированным физиче-

1 Группы, чье экономическое положение зависит преимущественно от наследственного богатства, важны аналитически, но в любом случае слишком незначительны статистически, чтобы обычные методы исследований стратификации могли пригодиться в их изучении. Мы живем в мире, в котором праздный класс составляет ускользающе малую величину.

ским трудом). Иные каузальные цепочки, однако, менее очевидны на первый взгляд.

Влиятельная позиция в исследованиях потребления, ассоциирующаяся с именем Бурдье, предполагает, что для высших классов стиль жизни является не только отражением их более благоприятного положения, но и инструментом воспроизводства этого положения. Социальные контакты имеют тенденцию ограничиваться средой придерживающихся одного и того же образа жизни. Им есть, о чем говорить друг с другом, и они могут ожидать друг от друга одобрения своих жизненных и потребительских решений. Это приводит к тому, что прочные социальные связи обычно возникают среди представителей одного и того же класса, и люди получают предложения работы и создают семьи с теми, кто занимает примерно то же положения в социальной структуре, что и они [Erikcson 1997; Lizardo 2006; Lizardo 2014; Lizardo 2016]. Как следствие этого социальная мобильность — и собственная, и межпоколенческая — оказывается ограничена. Помимо фильтрации социальных контактов — предполагает далее эта теоретическая позиция — стиль жизни связан с консолидацией классового господства через легитимацию. Некоторые его элементы окружены престижем, который заставляет других воспринимать индивида, ведущего подобную жизнь, не просто с завистью, но с искренним почтением. Экономическое процветание индивида в этом контексте понимается как выражение исключительных личностных качеств, а не следствие происхождения, жадности или слепой удачи. Стиль жизни маскирует классовое господство и тем самым придает ему устойчивость.

Важная линия в исследованиях стратификации, начинающаяся с Веблена и продолженная Гоффманом и Бурдье, исследовала механизмы подобной трансмутации [Veblen 2017 (1899); Goffman 1951]. Богатство может превращаться в стиль жизнь непосредственно — как в случае вебленовского «демонстративного потребления». Однако в стабильных классовых системах подобные прямолинейные символы богатства вымываются отчасти потому, что не имеют легитимирующего значения и не конвертируются в почтение (можно завидовать обладателю золотой цепи, но уважать его — вряд ли), отчасти потому, что делают старые элиты беззащитными перед притоком нуворишей [Goffman 1951; Holt 1998; Pyysiäinen, Ryynänen 2018].

Вместо этого основной упор делается на элементах стиля жизни, которые предполагают не просто сиюминутное богатство, но долгую социализацию в условиях изобилия, и которые прививаются в детстве и с трудом усваиваются позднее, как, например, посадка в седле в среде традиционной аристократии или умение свободно ориентироваться в течениях европейской живописи XIX века во Франции, описанной Бурдье. Чтобы играть легитимирующую

функцию, стиль жизни не должен быть слишком однозначно и прямолинейно связан с богатством, а для этого связь с классом желательно скрыть под покровом социализационных различий.

Жесткий классовый детерминизм этой модели столкнулся с двумя оппозициями, постмодернистской и премодернистской. Критики утверждали, что

а) связи стиля жизни с позицией на рынке труда могут быть не слишком жесткими в постмодерном обществе, где кто угодно может вести какой угодно образ жизни [Rasborg 2017];

б) престиж занятия связан с представлениями о его сложности и важности, а престиж стиля жизни — с представлениями об утонченности, мужественности, энергичности и прочих социально желаемых качествах, которые требуются для его ведения. Степень, в которой экономически доминирующие группы могу манипулировать этими представлениями в своих интересах, ограничена. Богатые вовсе не всегда могут убедить других, что занятия, приносящие наибольший доход, самые важные, или что характерный для них стиль жизни самый добродетельный и заслуживающий восхищения [Shils 1956; Chan, Goldthorpe 2004; Chan, Goldthorpe 2007; Flemmen et al. 2018; Bihagen, Labert 2018][1].

В отличие от первой, постмодернистской, критики этот подход предполагает, что в современных обществах продолжают воспроизводиться различия между статусными группами, типичные для премодерных обществ и не связанные с классовыми различиями. Так, почтение, которым окружена ученость и утонченность, может в какой-то степени становиться инструментом воспроизводства классовых элит, обеспечивающих своих детей образованием, но они ценятся вовсе не только потому, что являются эвфемизмом класса и могут служить социальной мобильности с не меньшим успехом, что и социальному воспроизводству [DiMaggio, Mohr 1995].

1 «Манипуляции представлениями» могут принимать две формы, сильную и слабую. В первой, сильной, форме экономически господствующий класс может выдать элементы стиля жизни, доступные только ему, за свидетельство вызывающих почтение внутренних достоинств. Во второй, слабой, форме господствующий класс может незаметно использовать свои ресурсы для того, чтобы приобрести атрибуты, признание высокой ценности которых само по себе не является следствием идеологической манипуляции. Примером первого может служить утверждение Веблена о том, что праздный класс навязывает всем остальным свои стяжательские (pecuniary) каноны вкуса, позволяющие выдать предпочтение серебряной посуды за выражение душевной утонченности, которая непостижимым образом оказывается доступна почему-то только богатым. Примером может служить использование семейных ресурсов для приобретения чисто меритократического формального образования.

И с точки зрения постмодернистской, и с точки зрения премодернистской критики механизм перевода наследственных экономических преимуществ в стиль жизни и престиж работает с большими перебоями или не работает вообще.

Помимо того, что подразумевают эти два традиционных направления критики, мы можем указать, однако, на целый ряд иных переменных, опосредующих влияние положения на рынке труда на образ жизни, например, на географическую локацию, семейное положение (наличие малолетних детей), наличие свободного времени. В другом месте автор этой статьи утверждал [Илле, Соколов 2018; Sokolov 2018], что Россия вследствие радикальной перестройки системы экономического неравенства в течение прошлых десятилетий может служить естественной лабораторией, позволяющей исследовать все эти связи в квазиэкспериментальной манере.

В этой статье делается попытка оценить роль одной переменной, влияние которой на стиль жизни аналитически независимо от влияния класса — возраста. Возраст играет в российском случае более важную роль в определении стиля жизни, чем специфика занятости или доходы. Более того, занятость или доходы во многом определяются возрастом, причем определяются крайне неблагоприятным для старших возрастных когорт образом.

Данные

Исследование, результаты которого интерпретируются ниже, представляло собой опрос 2100 взрослых (18 лет и старше) жителей Санкт-Петербурга по трем подвыборкам: по случайной выборке мобильных телефонов (700 человек), случайной выборке стационарных телефонов (700 человек) и уличном опросу рядом с городскими сетевыми супермаркетами (700 человек). Исследование проводилось в конце апреля — начале мае 2017 года. Методическим аспектам проекта посвящена самостоятельная публикация, к которой мы отсылаем читателя за дополнительным деталями [Соколов, Казанцев 2017].

Исследование продолжало серию опросов, начатую еще в 1991 году М.Е. Илле, и включало в себя блок вопросов, посвященных культурному потреблению (частота посещения кино, драмтеатра, музыкального театра, концертов музыки академических жанров, музеев, поп- и рок-концертов за последние 12 месяцев). Мы добавили также имена восьми писателей, представляющих разные «естественные жанры», идентифицированные в рамках исследования литературных предпочтений читателей городской сети библиотек [Соколов, Соколова, Сафонова 2016], и подсчитали, какое число из авторов респондент смог опознать.

Были также заданы вопросы о возрасте, образовании, профессии (респондентов просили точно определить свою позицию, например «учитель биологии средней школы»), образовании родителей и среднемесячных доходах на члена семьи. Чтобы оценить наличие свободного времени, мы просили респондентов также определить продолжительность своей рабочей недели (менее 40 часов в неделю, 40 часов, более 40 часов и рудиментарный «неработающий», включающий в себя всех от студентов до домохозяек и пенсионеров).

Помимо вопросов, которые задавались всем 2100 респондентам, меньшей подвыборке в 1400 человек (стационарные телефоны и уличный опрос) задавались вопросы о типах отдыха, в которых они участвуют на более регулярной основе, измеряемой в часах в неделю, таких как прием гостей, компьютерные игры, рукоделие, чтение художественной литературы, шопинг, соцсети, посещение баров и ресторанов, физические упражнения и просмотр телевизора. Кроме того, подвыборке в 700 человек (только уличные опросы) задавался вопрос о некоторых иных формах досуговой активности: выездах на шашлыки, охоте и рыбалке, посещению спортивных состязаний. Мы добавили также посещение церкви. Из-за того что не все вопросы задавались всем респондентам, объем выборки изменяется от анализа к анализу.

Результаты

В качестве традиционной — со времен Бурдье — формы представления данных для социологии потребления мы использовали множественный анализ корреспонденций, располагающий в пространстве категории номинальных переменных так, чтобы отразить вероятность их совстречаемости. Чем ближе точки, соответствующие вариантам ответа, тем больше вероятность, что такие ответы на вопрос будут даны одним и тем же человеком (рис. 1[1], первая ось объясняет 17%, вторая — 13% инерции).

Строчными буквами приведены данные по формам культурной и некультурной досуговой активности (ответы группировались, чтобы получить достаточное число случаев в каждой категории). Заглавными — дополнительные переменные, включая социально-

1 Рисунок получен с использованием ответов 700 респондентов, которым задавался вопрос обо всех видах деятельности, фигурирующих как активные точки. Изображение, получаемое при замене отсутствующих ответов на модальные на выборке в 1400 человек (опрос по стационарным телефонам и уличный опрос), практически ничем не отличалось от него (доступно по требованию).

демографические характеристики, уровень образования, доходы, занятия, сгруппированные по категориям ISCO, продолжительность рабочей недели, а также число опознанных авторов из предложенного списка из восьми имен.

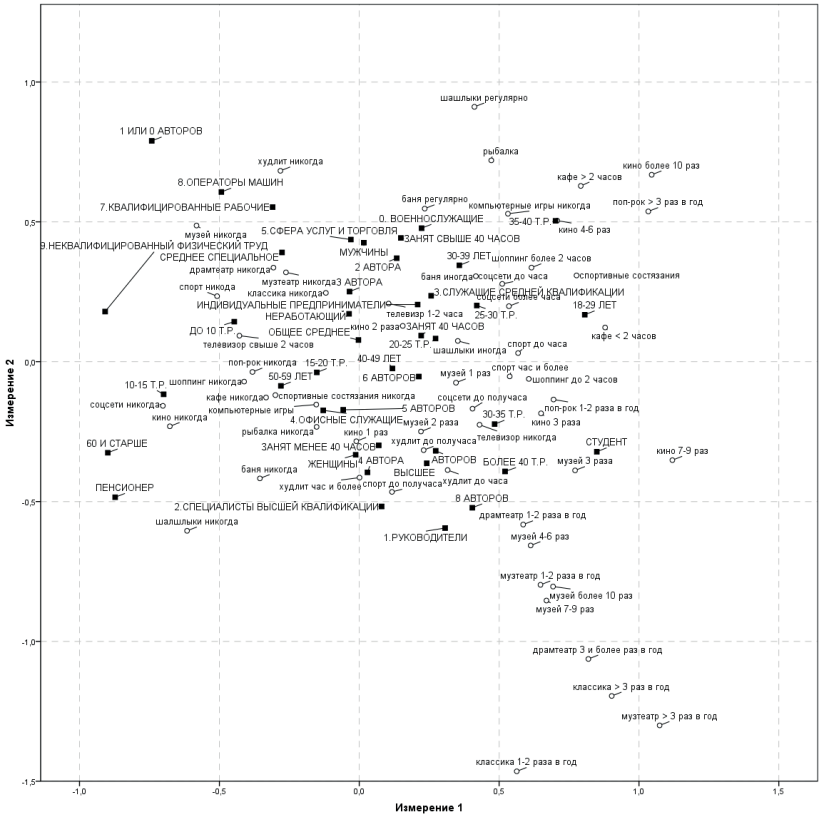

Рис. 1. Пространство досуговых активностей. Результаты анализа корреспонденций (активные точки отмечены строчными буквами и незакрашенными кругами, дополнительные — заглавными буквами и черными квадратами).

Fig. 1. The space of leisure activities (multiple correspondence analysis, active points marked by white circles, supplementary points by black squares and capital letters).

Первое, горизонтальное измерение очевидно противопоставляет общую активность общей пассивности. Справа оказываются те, кто утверждает, что ничем практически не занимается («не хожу в кино», «не читаю художественную литературу») помимо просмотра телевизора более 2 часов в день. Слева те, кто занимается практически всем, кроме просмотра телевизора. Лишь преиму-

щественно домашние способы проведения свободного времени — прием гостей, рукоделие, посещение церкви и компьютерные игры — связанные с этим общим уровнем активности относительно слабо. Участие во всех остальных — от рыбалки и бани до концертов классической музыки и от шоппинга до использования социальных сетей и чтения художественной литературы — положительно коррелирует друг с другом. Второе измерение характеризует «культурность» досуга. Сверху незатейливые (и в основном мужские) виды отдыха — рыбалка, баня и шашлыки, но также шоппинг, снизу — классическая музыка, чтение и драмтеатр.

До сих пор наша схема должна была напомнить читателям Бурдье схему из «Различения», повернутую на 90 градусов против часовой стрелки: одно измерение отражает общий уровень капитала (слева — много, справа — мало), второе — преобладание в его композиции культурного над экономическим (снизу) или наоборот (сверху). Действительно, исследователи, опиравшиеся на бурдьевистскую теорию и использовавшие анализ корреспонденций, обычно обнаруживали первое измерение, соответствовавшее уровню активности и противопоставлявшее средний класс рабочему. Главное различие между более и менее привилегированными группами проходило по признаку общего уровня активности. Уже внутри группы высокоактивных прослеживалось второе измерение, противопоставлявшее разные типы досуга: с одной стороны, традиционная высокая культура (концерты классической музыки, музеи), с другой — рок-концерты или рейв. При этом многие недавние исследования обнаруживали, что это измерение в Западной Европе противопоставляет не столько фракции высшего класса с высоким и низким уровнем культурного капитала, сколько младшие и старшие когорты — старомодная «высокая культура» уступает место новым формам культурного капитала [Gayo-Cal, Savage, Warde 2006; Roose et al. 2012]. Размывание традиционной «культурности» обычно связывается с развитием культурной всеядности [Peterson 1992], предположительно пришедшей на место традиционного снобизма. В сфере культурного потребления — утверждают Петерсон и другие — основная оппозиция проходит по принципу «много и всего самого разного vs. мало и чего-то одного или ничего вообще». Вместо мира, в котором высшие классы слушали бы Брамса, а низшие — рок или рэп, мы получили мир, в котором элиты слушают и Брамса, и рок, и рэп, а низшие — только рок или только рэп, или не слушают вообще ничего. В России, однако, революция всеядности, если она и развертывается, пока не зашла слишком далеко и позволяет нам проследить оппозицию между «культурным» и «некультурным» досугом.

Таблица 1. Регрессия (OLS) позиций индивида на шкале активности (модель 1) и «культурности» (модель 2) по избранным социально-демографическим переменным[1]
Table 1. OLS regression of individual activity level (Model 1) and cultural capital scores (Model 2) on selected social-demographic variables

	Модель 1 Уровень активности		Модель 2 Шкала культурности	
Параметр	B	η^2	B	η^2
Константа	1,823*** (,187)	,141	,107 (,210)	,000
Пол: мужской	-,125* (,064)	,007	-,676*** (,071)	,135
Образование общее среднее	-,477*** (,102)	,037	-,383** (,114)	,019
Образование среднее специальное	-,270*** (,071)	,024	-,507*** (,080)	,066
Неработающий	,051 (,098)	,000	,425*** (,109)	,025
Занят менее 40 часов в неделю	,089 (,121)	,001	,358** (,135)	,012
Занят 40 часов в неделю	,023 (,084)	,000	,166 (,094)	,005
Возраст	-,032*** (,002)	,292	,015*** (,002)	,063
Доход менее 10 тыс. руб.	-,549** (,214)	,011	-,578* (,240)	,010
Доход 10–15 тыс. руб.	-,530** (,167)	,017	-,569** (,187)	,016

1 Стандартные отклонения приведены в скобках. Референтные категории для пола — мужской, для образования — высшее, для занятости — работающий свыше 40 часов в неделю, для дохода — свыше 40 000 рублей в неделю, для образования родителей — оба с высшим.

Доход 15–20 тыс. руб.	-,300* (,155)	,006	-,524** (,174)	,016
Доход 20–25 тыс. руб.	,005 (,156)	,000	-,546** (,175)	,017
Доход 25–30 тыс. руб.	,135 (,169)	,001	-,463** (,190)	,010
Доход 30–35 тыс. руб.	,034 (,177)	,000	-,365 (,198)	,006
Доход 35–40 тыс. руб.	,088 (,206)	,000	-,718** (,231)	,016
Оба родителя без в/о	,077 ,087	,001	,244* (,098)	,011
Один из родителей с в/о	,109 (,078)	,003	-,036 (,087)	,000
R^2 скорректированный		,455		,324

***p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001**

Значительно более неожиданным — с точки зрения бурдьевистской теории — может стать результат поиска переменных, предсказывающих уровень и характер активности при контроле по другим переменным (таблица 1). Мы использовали координаты индивида в двумерном пространстве, созданном анализом корреспонденций как зависимые переменные, и попробовали определить, как влияют на них перечисленные независимые переменные[1]. Прежде всего следует сказать, что независимые переменные предсказываются дежурным набором социально-демографических атрибутов достаточно хорошо (для первой оси R^2 = 0.455, для второй — 0.324), в отличие, например, от политических взглядов, которые в России таким путем предсказываются очень плохо [Калинин 2011].

1 Для регрессионного анализа использовалась выборка в 1400 человек (стационарные телефоны и уличный вопрос), где значения по вопросам об участии в спортивных состязаниях, охоте и рыбалке, церкви и шашлыках были заменены на средние. Расчеты на подвыборке в 700 человек, которым фактически задавались все вопросы, приносят практически эквивалентные результаты.

Однако переменные, играющие основную роль, не совсем те, о которых Бурдье призывает нас думать в этом контексте в первую очередь. В отношении уровня досуговой активности можно было бы подумать, что основным влияющим на него фактором будут доходы и, возможно, наличие свободного времени после работы. На самом деле уровень занятости не оказывает на число форм досуга, в которых, по словам индивида, он принимал участие, вообще никакого влияния, а доход хотя и оказывает, но гораздо меньшее, чем возраст.

По доходам опрошенные делятся на две группы, с границей, проходящей примерно на уровне дохода в 20 000 рублей на члена семьи. Получающие меньше ощутимо менее активны, чем получающие больше, но увеличение доходов свыше этого порога влияет на приращение активность уже довольно слабо[1]. Высшее образование влияет на зависимую переменную в том же направлении, что и молодость, но слабее. То различие в разносторонней активности, которое во Франции или где-то еще в Европе было бы различием между средним и рабочим классом, в России становится в первую очередь различием между молодыми и старыми (и это даже если мы оставляем за скобками тот факт, что в России максимальные доходы получают люди в возрасте около 30 лет, а затем каждая следующая когорта оказывается все беднее и беднее [Белоконная и др. 2007])[2].

Для «культурности» демографические переменные опять оказываются важней, чем классовые. Правда, тут основную роль играет пол, но возраст также значим. Относительная доля высокой культуры в досуге старших поколений выше, чем младших, однако абсолютная частота участия младших выше и в высокой, и низкой культурах. Кроме того, значимы образование как самого индивида (сила эффекта примерно такая же, как у возраста), так и образование родителей. Доходы не играют заметной роли (лишь самая высокодоходная группа сообщает о высоком уровне участия), а вот занятость играет (похоже, что люди, работающие боль-

1 Можно возразить, что доходы являются лишь очень грубой метрикой позиции на рынке труда. Чтобы ответить на эту критику, мы использовали ответы на вопрос о занятии, чтобы классифицировать индивидов по группам ISCO и включили классовую принадлежность как мультиноминальную переменную в регрессию (кодировка выполнена Надеждой Соколовой). Переменная оказалась значимой на уровне 0.001; тем не менее по объясненной дисперсии она все равно была незначительной по сравнению с возрастом.

2 В нашей выборке корреляция Спирмена между возрастом и доходом составила -0.197 ($N = 1942$, $p < 0.0001$).

ше всего часов в неделю, более других склонны к незамысловатым удовольствиям).

Можно сказать, что возраст в России по сути дела играет ту роль, которую у Бурдье играет класс: он принципиально противопоставляет людей, ведущих активную жизнь за пределами дома, тем, чьи горизонты ограничены этими пределами. Есть несколько возможных интерпретаций того, почему это так. Некоторые из них предполагают, что мы тут имеем дело с эффектом возрастного цикла, другие — с эффектом генерации. С одной стороны, может играть роль быстро приходящее в упадок здоровье, родительские заботы и общие невысокие ожидания в отношении активности немолодых людей (эффект возрастного цикла). С другой стороны, младшие когорты в период быстрых экономических изменений занимают лучшие ниши на возникающих рынках труда, и это обеспечивает их лучшее экономическое положение (генерационное различие). Это дополняется тем, что молодые могут быть во всех смыслах быстрее и успешнее в освоении всевозможных глобальных потребительских моделей, которые поощряют разностороннюю активность до глубокой старости.

Данные нашего опроса сами по себе не позволяют в полной мере противопоставить эти два объяснения, однако они могут помочь сделать это в сочетании с данными мониторинга культурной жизни Петербурга, осуществленного М.Е. Илле в 2005–2011-х годах. Следующие графики отображают динамику культурного участия в 2005–2017-х годах по возрастным когортам для кино (доля побывавших хотя бы раз в кино за последние 12 месяцев, рис. 2) и для высокой культуры (доля побывавших хотя бы раз в драматическом театре, музыкальном театре и/или на концерте классической музыки, рис. 3).

Если бы эффект возраста был прежде всего эффектом жизненного цикла, мы должны были бы увидеть параллельно нисходящие прямые за 12-летний период для каждой когорты, и в 2017 году те, кому было 18 лет в 2005-м, оказались бы примерно в той точке, в которой в 2005 году были тогдашние 30-летние. Мы не видим, однако, подобной динамики. В случае кино мы видим, что активность всех когорт несколько возрастает между 2005 и 2009 годами, а затем немного снижается (возможно, следствие кризиса?), но не опускается до уровня 2005 года. Даже старшая когорта (младшим представителям которой было 68 лет в 2005-м, но исполнилось 80 в 2017-м) не продемонстрировали значимого снижения активности. Иными словами, каждая следующая генерация оказывается более активной и, видимо, сохраняет этот более высокий уровень на протяжении всей жизни.

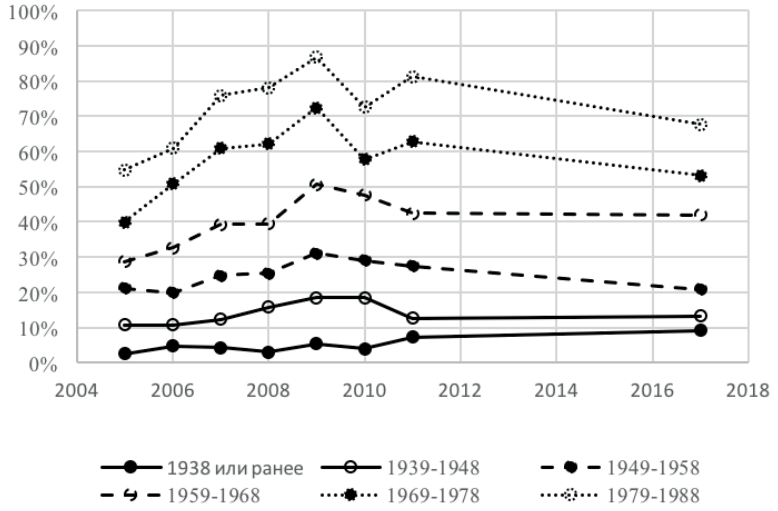

Рис. 2. Доля возрастных когорт, посещавших кино за последние 12 месяцев, по годам.
Fig. 2. Shares of cohorts visiting cinema in the last 12 months, by year.

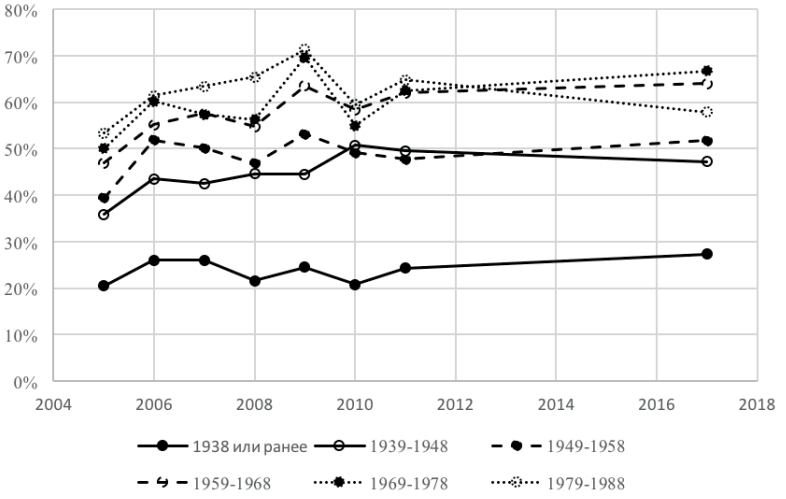

Рис. 3. Доля возрастных когорт, посещавших учреждения высокой культуры за последние 12 месяцев, по годам.
Fig. 3. Shares of cohorts, participating in high culture in the last 12 months, by year.

У возраста как подозреваемого в таинственном исчезновении досуговой активности есть надежное алиби. В случае высокой культуры четкие границы отличают старшие когорты от младших, но три

младшие (родившиеся между 1959 и 1988 годами) практически неразличимы. Тем не менее и там мы видим сохранение или даже небольшой рост активности во всех когортах на протяжении 12-летнего периода. Снижение активности каждой следующей когорты нельзя объяснить ухудшением здоровья или действием норм, ограничивающих активность старших поколений. Мы не можем утверждать, что таких норм не существует или что ухудшения здоровья не происходит (оно наверняка происходит). Однако действие этих факторов, видимо, компенсируется распространением иных норм, поощряющих ведение активного образа жизни. То, что индивиды теряют за счет возраста, они с лихвой компенсируют за счет этого фактора.

Обсуждение

Основным эмпирическим результатом этой статьи может считаться простая констатация того, что, хотя основное внимание в социологических исследованиях стилей жизни и потребления традиционно уделяется классовым переменным, абсолютная значимость возраста в России является не меньшей по сравнению с ними. Разнообразие и интенсивность досуговой активности, которые в западных случаях оказываются в первую очередь маркирующими классовую границу, в России обозначает границу поколений. При этом доход после определенного уровня вообще перестает влиять на частоту участия во всевозможных досуговых активностях (и это не учитывая того, что доход сам по себе в известной мере определяется поколением).

Как получается, что поколения различаются по уровню активности даже при контроле по занятости и физическому возрасту? Наша догадка состоит в том, что подобное возможно лишь в довольно специфических обстоятельствах. Значение возраста увеличивается, если, во-первых, происходит резкая экономическая трансформация, и, во-вторых, сам репертуар классовых стилей жизни полностью обновляется.

Экономическая трансформация, по всей видимости, приводит к тому, что новые и более благоприятные экономические ниши оказываются в значительной степени заняты молодыми людьми, которые в отношении доходов оказываются вровень со старшими или даже фактически богаче старших. Сдерживающий эффект, который недостаток средств оказывает на активность младших, в этих условиях отсутствует. Действительно, существующие данные, в том числе собранные на гораздо более широких выборках, чем наша, показывают что по контрасту с большинством западных стран в настоящее время наибольшие доходы получает возрастная

группа 30-летних. В старших возрастных группах они начинают снижаться (в большинстве стабильных экономик средние доходы стабильно растут по мере того, как люди делают карьеру, по меньшей мере до 50-летнего возраста [Белоконная и др. 2007])[1]. Во многих отношениях от экономических преобразований в России за последние 30 лет выиграла не какая-то существовавшая прежде группа, например бывшая номенклатура, а демографическая когорта. Так, анализ биографий фигурантов российского списка Форбс показывает, что значительное большинство сверхбогатых родились в 1960-е годы [Лепеле, Агафонов 2016]. Те, кто пришли раньше, были слишком привязаны к уже начатой карьере и оказались недостаточно гибкими, чтобы отреагировать на открывшиеся возможности; те, кто пришел позже, обнаружил, что возможностями уже воспользовался кто-то другой.

Та же логика действует, однако, и применительно к поколенческим различиям в уровне досуговой активности. Младшие когорты открыли для себя искусство тратить деньги при капитализме так же, как непосредственно предшествующие им открыли для себя искусство их зарабатывать. Этот феномен поколенческих различий в классовой социализации приводит нас к парадоксальной ситуации, в которой узнаваемые по мировой литературе классовые границы существуют и воспроизводятся, если не в отсутствие классов, то во многом поверх классовых границ[2].

Младшие когорты в России живут более активной и, возможно, интересной жизнью, чем старшие. Жизнь молодых в России напоминает жизнь богатых в других странах, но это сходство обосновано

1 Россия стоит особняком в том плане, что в США и многих других хорошо исследованных странах положение младших поколений на рынке труда в последнее десятилетия оказывается гораздо менее благоприятным по сравнению с положением их родителей (см. например https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-29/fed-says-millennials-are-just-like-their-parents-only-poorer). Среди рожденных в 80-е куда меньше людей, зарабатывающих больше того, что их отцы зарабатывали в их возрасте (при учете инфляции), чем среди рожденных в 60-е и ранее. В России большинство рожденных в 80-е зарабатывают куда больше того, что их отцы зарабатывают даже сейчас, несмотря на выслугу лет и карьерный рост.

2 Разумеется, перестройка рынка труда создала множество ситуаций, в которых разные когорты занимают ниши, предполагающие не просто неравные вознаграждения, но и более или менее очевидную эксплуатацию одних другими. По крайней мере об этом неизбежно задумываешься, глядя на университетских администраторов тридцати с небольшим лет, проводящих воспитательную работу среди старшего профессорско-преподавательского состава за зарплату, в разы превосходящую зарплату самого заслуженного из их подчиненных.

не тем, что молодежь обязательно богаче старших, но потому, что, кажется, они были первыми, кто освоил новые стандарты потребления. Когда острая фаза кризиса осталась позади, началось постепенное экономическое восстановление, и отдельные элементы стиля жизни западных элит оказались доступны, скорость их освоения определялась не только доходами, но и готовностью проходить вторичную классовую социализацию.

Действительно, помимо самых одиозных форм демонстративного потребления, ассоциирующихся с провербиальными новыми русскими, остальные его формы требуют определенной информированности и навыков (подумайте о верховой езде или об авиаспорте). Мысль, к которой нас подводят исследования статусной культуры, состоит в том, что ведение определенного образа жизни — это, помимо всего прочего, работа, требующая специального образования. В условиях, когда ни у кого не оказывается этого образования, в выигрышном положении оказываются те, кто в большей степени готов учиться.

В этом смысле возраст мог сказаться на разнообразии и формах активности не столько потому, что возрастные нормы поведения прямо предписывали старшим снижение активности, сколько потому, что, чем старше были люди, когда началось распространение новых потребительских паттернов, тем менее они были готовы к их освоению, даже имея необходимые для этого средства. Любая форма социализации предполагает период ученичества, в ходе которого ученик чувствует себя некомпетентным и беспомощным; чем старше индивид (и чем более высокую позицию он занимает на какой-либо карьерной лестнице), тем сложнее ему примириться с необходимостью ресоциализации[1]. Это объясняет, почему контрасты наиболее зримы в случае с новыми формами досуговой активности, такими как шоппинг, и наименее заметны в области устоявшихся практик, которые задавали стандарт социальной (само) оценки и в более ранний период (посещение театра[2]).

1 Социологическим примером этого может считаться рефлексия Гоффмана о природе антропологической полевой работы, в которой он прямо называет статус препятствием для проведения городской этнографии [Goffman 1989]. Старшему профессору куда сложнее смириться с мыслью, что в сообществе, которое он отправится изучать, он будет предметом снисходительных усмешек, чем аспиранту, который вынужден мириться с этой ролью и на своем родном факультете.

2 То, что в отношении высокой культуры граница пролегла не между самой младшей когортой и всеми остальными, а между средними и старшими поколениями, возможно, является следом некой культурной революции, которая должна была случиться на пороге 80-х и о которой мы можем строить только догадки.

Кроме того, ресоциализация предполагает признание того, что прежняя линия поведения была ошибочной и требует корректировки. Она предполагает тем самым некоторое сожаление по этому поводу, которого индивиды, как мы знаем из социально-психологической литературы и поведенческой экономики, стремятся избежать любой ценой [Arkes, Blumer 1985; Brockner 1992; Zeelenberg et al. 2018]. В этом смысле ведение любого образа жизни на протяжении некоторого времени создает незримое обязательство (commitment) продолжать вести его и дальше [Becker 1960]. Инертность, приписываемая старшим поколениям, во многом, видимо, имеет это происхождение.

Когда в Россию были импортированы стандарты, отождествляющие социальный статус с активностью и предполагавшие пренебрежительное отношение ко всем, проводящим выходные перед телевизором, они были с наибольшей готовностью восприняты теми, кто в силу возраста руководствовался стандартами иного типа в течение меньшего срока. Отметим, что высшее образование также было фактором, способствующим восприятию более активного стиля жизни. Именно младшие и более образованные оказались на острие потребительской революции в России. Этот феномен имеет продолжение и в иных составляющих образа жизни. Те, кого недавнее исследование обозначает как «миллениалов» [Радаев 2018], оказались первыми, воспринявшими сформировавшуюся в западных обществах связь между статусом и здоровьем. Соответственно среди них мы находим существенное сокращение потребление табака и алкоголя (предшествовавшее им «реформенное» поколение, наоборот, поставило сомнительные рекорды в этой области).

Если изложенная здесь интерпретация верна, такая подмена классовых границ генерационными является чертой переходного периода, который однажды закончится. Однако, даже по осторожной оценке, это «однажды» наступит не ранее чем через несколько десятилетий.

Библиография / References

Белоконная Л.А., Гимпельсон В.Е., Горбачева Т.Л., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Жихарева О.Б. (2007) Формирование заработной платы: взгляд через призму профессий. *Вопросы экономики*, 10: 52–74.

— Belokonnaya L.A., Gimpel'son V.E., Gorbacheva T.L., Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L., Zhikhareva O.B. (2007) Shaping Wages: The Impact of Occupations. *Voprosy ekonomiki*, 10: 52–74. — in Russ.

Илле М.Е. (2016) Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга. «Телескоп»*: журнал социологических и маркетинговых исследований,* 5: 27–32.

— Ille M.E. (2016) Participation of residents of the "cultural capital" in the cultural life of St. Petersburg. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij,* 5: 27–32. — in Russ.

Илле М.Е. (2017) Образ «идеального» петербуржца и культурная жизнь города. *«Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований,* 4: 32–42.

— Ille M.E. (2017) The Image of an Ideal Saint Peterburgian and the Cultural Life of the City. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij,* 4: 32–42. — in Russ.

Илле М.Е., Соколов М.М. (2018) Статусные культуры в эпоху социальной революции. Культурное потребление в Петербурге, 1991–2011. *Мир России,* 1: 159–182.

— Ille M.E., Sokolov M.M. (2018) Status Culture in the Times of Economic Transformation. Cultural Participation in Saint Petersburg, 1991-2011. *Mir Rossii [Universe of Russia],* 1: 159–182. — in Russ.

Калинин К.О. (2011) Эволюция социально-профессионального размежевания в России (1993-2007 гг.): теория, методология, измерение. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (101): 24-43.

— Kalinin K. (2011) Socio-professional cleavages in Russia (1992-2007). Theory, methodology, measurement. *Monitoring obschestvennogo mnenija: Sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny [Public opinion monitor: economic and social changes],* 101 (1): 24-43. — in Russ.

Лепеле В., Агафонов Ю. (2016). «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России. *Мир России*, 25 (3): 97-125.

— Lepele V., Agafonov Yu. (2016) The "Golden Doors" to Russian Business Elite: the Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 25 (3): 97-125. — in Russ.

Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 15-33.

— Radaev V.V. (2018) Millenials in the context of earlier generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovanija [Sociological Research]*, 3: 15-33. — in Russ.

Соколов М.М., Сафонова М.А., Соколова Н.А. (2016) Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 3: 116-135.

— Sokolov M., Safonova M., Sokolova N. (2016) Status cultures, biographic cycles, and generational changes in literary tastes. An analysis of a database covering all users of Saint Petersburg public libraries system in 2014. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. [The Journal of Sociology and Social Anthropology],* 3: 116-135. — in Russ.

Соколов М.М., Казанцев А.С. (2017) Типы опросов, выборочные смещения и эффекты квоты: Результаты эксперимента с трехосновной выборкой в российском мегаполисе. *Экономическая социология*, 18 (5): 87-110.

— Sokolov M., Kazantsev A. (2017) Survey types, sample biases, and the effects of demographic quotas. The results of an experiment with a three-frame survey in a major Russian city. E*konomicheskaja sociologija [Economic sociology],* 18 (5): 87-110. — in Russ.

Arkes H., Blumer C. (1985) The psychology of sunk cost. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 35: 124-140.

Becker H.S. (1960). Notes on the concept of commitment. *American Journal of Sociology*, 66 (1): 32-40.

Bihagen E., Lambert P. (2018). Can class and status really be disentangled? *Research in Social Stratification and Mobility,* 58: 1-10.

Bleichrodt H., Wakker P. (2015) Regret theory: A bold alternative to the alternatives. *The Economic Journal*, 125: 493-532.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*, London: Routledge/Kegan Paul.

Brockner J. (1992) The escalation of commitment to a failing course of action: Toward theoretical progress. *Academy of Management Review,* 17 (1): 39-61.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review,* 20 (5): 383–401.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, 72 (4): 512–532.

DiMaggio P., Mohr J. (1985) Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection. *American Journal of Sociology*, 90 (6): 1231–1257.

DiMaggio P., Mohr J. (1995) The Intergenerational Transmission of Cultural Capital. *Research in Social Stratification and Mobility*, 14: 167–199.

Erickson B.H. (1996) Culture, class, and connections. *American Journal of Sociology*, 102 (1): 217–251.

Flemmen M., Jarnes V., Rosenlund L. (2018) Social space and cultural class divisions: the forms of capital and contemporary lifestyle differentiation. *The British Journal of Sociology*, 69 (1): 124-153.

Gayo Cal M., Savage M., Warde A. (2006) A cultural map of the United Kingdom, 2003. *Cultural Trends,* 15 (2-3): 213-237.

Goffman E. (1951) Symbols of Class Status. *British Journal of Sociology,* 11: 294–304.

Goffman E. (1989) On fieldwork. *Journal of Contemporary Ethnography*, 18 (2): 123-132.

Holt D.B. (1998) Does Cultural Capital Structure American Consumption? *Journal of Consumer Research,* 25: 1–25.

Lizardo O. (2006) How cultural tastes shape personal networks. *American Sociological Review*, 71 (5): 778–807.

Lizardo O. (2014) Omnivorousness as the bridging of cultural holes: A measurement strategy. *Theory and Society,* 43 (3-4): 395–419.

Lizardo O. (2016). Why "cultural matter" matter: Culture talk as the mobilization of cultural capital in interaction. *Poetics,* 58: 1-17.

Peterson R. (1992) Understanding audience segmentation, from elite and mass to omnivore and univore. *Poetics,* 21 (4), 243–258.

Putnam R.D. (2001) *Bowling alone: The collapse and revival of American community.* New York: Simon and Schuster.

Pyysiäinen J., Ryynänen M. (2018) Downplaying class with style: Middle class anxiety and the aesthetic performance of role distance. *Poetics.* (https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.10.001)

Rasborg K. (2017) From class society to the individualized society? A critical reassessment of individualization and class. *Irish Journal of Sociology*, 25 (3): 229-249.

Roose H., van Eijck K., Lievens J. (2012). Culture of distinction or culture of openness? Using a social space approach to analyze the social structuring of lifestyles. *Poetics,* 40 (6): 491-513.

Shils E. (1965) Charisma, Order and Status. *American Sociological Review*, 30 (2): 199–213.

Sokolov M. (2018) Cultural capital and social revolution. Arts consumption in a major Russian city, 1991-2017. *Poetics* (https://doi.org/10.1016/j.poetic.2018.10.005)

Veblen T. (2017 [1899]) *The Theory of the Leisure Class*, Routledge.

Zeelenberg M., (2018) Anticipated regret: A prospective emotion about the future past. The psychology of thinking about the future. In Oettingen G., Sevincer A.T., Gollwitzer P.M. (eds.) *The psychology of thinking about the past*. New York: The Guilford Press: 276-295.

Рекомендация для цитирования:

Соколов М.М. (2019) Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31 (1): 71-91.

For citations:

Sokolov M.M. (2019) Generations Instead of Classes? Age and the Consumer Revolution in Russia. *Sociology of Power*, 31 (1): 71-91.

Поступила в редакцию: 30.01.2019; принята в печать: 22.02.2019

Received: 30.01.2019; Accepted for publication: 22.02.2019